

Мгновение — и досада растаяла. Всего мгновение понадобилось Ю Сяомо, чтобы перебороть щемящую обиду на Лин Сяо. А помогла ему в этом простая мысль: раз он смог сотворить ТУ пилюлю один раз, значит, сможет и повторить. Главное — факт, что это было возможно.

Однако, это успокоение отравляла тень неудовлетворённого любопытства. Ему было по-настоящему досадно, что он не успел как следует рассмотреть, исследовать, узнать вдоль и поперёк своё творение до того, как оно оказалось проглочено ненасытным Лин Сяо. Чем именно ТА пилюля отличалась? Был ли в ней тот самый, едва уловимый отблеск совершенства, ради которого Ю Сяомо выжал себя досуха? Эта загадка не давала ему покоя, став единственной, но едкой горчинкой в нынешнем дне.

А день выдался на удивление плодотворным. Все три сотни духовных трав превратились в пилюли — ровные, с матовым блеском, бережно разложенные по флаконам. И дело было совсем не в удаче, а в отточенном навыке: его руки двигались уверенно, почти без участия мысли, и с каждой новой пилюлей движения становились всё чётче и быстрее — сказывался опыт, накопленный за дни однообразного труда.

Секрет такой скорости крылся и в точном расчёте. Травы для пятидесяти «простых» пилюль из всей партии он сознательно очистил лишь один раз — ровно столько, чтобы пилюли считались завершёнными. Если раньше на создание одной пилюли у Ю Сяомо уходило чуть больше пяти минут, то теперь за то же время он успевал изготовить две. Благодаря этому «простые» пилюли были готовы всего за два часа, высвободив время для эксперимента. Очищай он травы два раза, работа заняла бы вдвое дольше — четыре часа. Так Ю Сяомо не просто сэкономил время — он считал, что подарил его себе. Подарил ради главного эксперимента. Ради Той Самой Пилюли.

Травы для неё он провёл через целых пять циклов очистки — такое он делал впервые. Раньше максимумом было четыре. Казалось бы, пустяк — всего на один цикл больше. Казалось, разница невелика: где четыре, там и пять. Но на деле это оказалось прыжком в бездну. Если четыре цикла истощали силу его души постепенно, то пятый — словно ненасытный демон — выпил её всю до дна одним глотком. Оставшегося едва-едва хватило, чтобы измельчить травы и спрессовать очищенную массу в готовую пилюлю. Он помнил, что доделывал её уже на чистом упорстве. В тот момент он едва держался на ногах, и всё плыло перед глазами.

И ради чего? Чтобы Лин Сяо, не моргнув глазом, отправил плод этих титанических усилий себе в рот, даже не позволив как следует рассмотреть пилюлю.

«Ничего, — мысленно успокаивал себя Ю Сяомо, — в конце концов, это всего лишь пилюля первого уровня, пусть и необычная. Всё ещё впереди». — И эта мысль, светлая и твёрдая, наконец, развеяла последние тучи досад и обид.

— Младший брат Сяомо, — окликнул его Лин Сяо.

Голос прозвучал ровно, без повышения тона, но для Ю Сяомо, погружённого в пучину собственных мыслей, он грянул как гром среди ясного неба. Ю Сяомо вздрогнул всем телом, резко поднял голову и уставился на Лин Сяо растерянно, непонимающе, вопросительно.

Усмехаясь про себя, Лин Сяо внимательно наблюдал за Ю Сяомо. Откровенно говоря, он ожидал увидеть обиду, и это был отличный повод поддеть его ещё разок, позабавиться над этой наивной, детской серьёзностью. Но ожидание внезапно рассыпалось в прах — Ю Сяомо вновь сумел удивить.

На его лице не было ни досады, ни обиды. Его взгляд, пусть и непонимающий, и озадаченный,

был ясным и открытым — он явно был готов не просто слушать, но и слышать.

«Однако, — с лёгким удивлением подумал Лин Сяо. — А малец отходчивый — не таится, не копит недовольство, а берёт и отпускает». — И эта новая грань в Ю Сяомо ему нравилась — он находил её и здоровой, и занятой, и отчасти даже забавной.

— Младший брат Сяомо...

Ю Сяомо лишь теперь заметил: Лин Сяо переместился с края кровати на стул и восседал на нём с невозмутимым величием монарха. Его пальцы были сплетены в замок, а взгляд, ещё недавно насмешливый, теперь был пронзительно-серьёзным.

— ...Впредь никогда не доводи свою силу души до полного истощения, — его тон не допускал возражений — это звучало как непреложный приказ, закон, обжалованию не подлежащий. И от такого Лин Сяо — внезапно серьёзного, строгого и невероятно веского — по спине Ю Сяомо пробежал ледяной холодок.

— Почему?.. — выдохнул он, и в этом одном слове звучало и признание («я уже почувствовал, насколько это опасно»), и немой вопрос о масштабе возможной катастрофы.

Уголки губ Лин Сяо дрогнули — не в усмешке, а в мгновенном, едва уловимом одобрении. Ю Сяомо вёл себя не как обиженный ребёнок, а как ученик, ищущий суть. Это радовало.

— Потому что ты истощаешь не просто свою ци — свою духовную силу, — медленно, вдавливая каждое слово, объяснял Лин Сяо, — ты убиваешь свою душу.

Он сделал паузу, давая сказанному осесть в сознании Ю Сяомо.

— Душа — это фундамент. Основа. Будь ты простым смертным, мечтающим лишь об урожае, или совершенствующимся в Пути Воина, без души ты — ничто, пустая оболочка.

Лин Сяо подался чуть вперёд.

— Более того, для алхимиков истощение духовных сил, гораздо опаснее, нежели для совершенствующихся Путь Воина.

Ю Сяомо замер. Пережитая тотальная опустошённость после пятого цикла очистки трав вдруг предстала перед ним в ином свете — грозном и неумолимом. Он кивнул едва незаметно. Это был не кивок «понял теорию», а кивок «ощутил кожей опасность».

— Почему для алхимиков истощение силы души... духовных сил... опаснее? — спросил он, и в его голосе уже не звучала растерянность. Лишь жажда узнать и понять.

Лин Сяо вальяжно откинулся на спинку стула, и по его лицу вновь скользнуло то самое, знакомое выражение — сплав интереса, усмешки и нескрываемого удовольствия. Но теперь он получал удовольствие от того, что «ученик» начинает думать в правильном направлении.

А Ю Сяомо, тем временем, уже всю перебирал в памяти всё прочитанное о силе души — и не мог припомнить ни одного подробного описания. Ни в одной книге из Хранилища Писаний не говорилось, чем духовная ци алхимиков отличается от духовной ци совершенствующихся на Пути Воина. Причина, видимо, была такой:

Хранилище Писаний ломилось от манускриптов, свитков, книг и фолиантов. Однако ученикам

первого уровня, вроде него, открывали доступ к лишь к первому этажу всего Хранилища — к книгам содержащим лишь начальные, базовые руководства. Труды о глубинном устройстве внутренней духовной ци, должно быть, находились на верхних этажах, куда вход ему, пока был закрыт.

Пока Ю Сяомо мысленно копался в своих скудных знаниях, Лин Сяо, видя его искреннее непонимание, вздохнул — не с раздражением, а с осознанием, что придётся начинать с самых азов.

— Младший брат Сяомо, представь, что внутри каждого совершенствующегося есть источник силы, свой колодец. И есть инструмент, которым он черпает из этого колодца. У совершенствующих Путь Воина этот инструмент похож на большой, прочный ковш — им можно зачерпнуть много и сразу, для мощного удара, прыжка или защиты. Их сила — в напоре и количестве. Даже если вычерпать всю воду из колодца, со временем он наполнится вновь. Их сила души, их духовная ци, их колодец и ковш — крепки и выносливы.

Лин Сяо сделал паузу, чтобы убедиться, что Ю Сяомо внимает — следит за мыслью.

— А у алхимиков, — пальцы Лин Сяо сложились в изящную щепотку, — колодец более хрупкий и инструмент иной. Он подобен тонкой кисти художника. Алхимикам не нужна грубая сила — лишь филигранная точность. Чтобы слышать, чувствовать, ощущать дыхание трав, чтобы сплавлять их и их ци в безупречное целое.

Теперь голос Лин Сяо стал твёрдым и предостерегающим:

— Когда совершенствующий Путь Воина истощается, опустошает колодец, он просто откладывает ковш и ждёт, пока источник вновь наполнится. Отдохнёт — и сможет черпать снова. Его колодец и инструмент крепки — они не ломаются.

Лин Сяо резко разжал пальцы и вновь подался чуть вперёд. Его взгляд стал острым.

— А когда истощается алхимик, он калечит и источник, и свой инструмент. Если сломать их окончательно... — он не стал договаривать, но в его глазах мелькнуло нечто холодное и безжалостное. — Родниковая вода, может, и будет сочиться, но ей негде будет собираться. Если же колодец и уцелеет, но кисть рассыплется в прах — черпать будет уже нечем. Навеки останешься стоять у разбитого колодца с пустыми руками. Понял теперь?

Как только последние слова растаяли в воздухе, пространство между ними будто бы сжалось. Вот, Лин Сяо всё ещё сидел на стуле, в нескольких шагах от Ю Сяомо, — и в тот же миг его палец уже отскакивал от лба Ю Сяомо лёгким, издевательским щелчком. Не было ни движения, ни дуновения, ни намёка на перемещение. Слово физические законы на мгновение перестали существовать, позволив Лин Сяо быть в двух местах одновременно. При этом, вся грозная серьёзность, всё давящее величие, что он излучал, испарились, обнажив прежнего, насмешливого и непостижимого Лин Сяо.

Ю Сяомо, потирая внезапно занывший лоб, растерянно заморгал. Он не уловил ни малейшего движения — лишь осознал щелчок постфактум, по отголоску боли.

И конечно, он никогда не признается — даже себе, — что мгновение назад ему было спокойнее. Когда Лин Сяо говорил как безликое Божество, изрекающее законы мироздания, это было пугающе, но понятно. А этот возврат к насмешкам, эта непредсказуемость, где лёгкое щекотливое пёрышко в любой момент могло обернуться лезвием у горла, — сбивало с толку и пугало куда сильнее.

Однако признать подобное — всё равно что сказать, будто чёрная снежная стена надёжнее улыбки в темноте. Нет, он этого не сделает. Спрячет, затолкает, завалит хламом на задворках сознания. Подобные предпочтения не признал бы и законченный дурак.

Тишина после его грозных слов длилась всего пару вздохов. Лин Сяо, вдруг оказавшийся снова на стуле, откинулся на спинку, и по его лицу расплылась улыбка — беззаботная, лукавая и оттого вдвойне опасная.

— Впрочем, — протянул он, — та пилюля, что ты сплавил последней, была, знаешь ли, восхитительна на вкус.

Слова Лин Сяо прозвучали легко, но всё внутри Ю Сяомо мгновенно похолодело и возопило: это ловушка!

И он не ошибся.

— Поэтому, — голос Лин Сяо приобрёл деловитые нотки, при этом звучал так, словно он сообщал о смене погоды, — я пересматриваю наши договорённости. Прежняя норма в пятьдесят пилюль в день — отменяется.

Ю Сяомо застыл, не в силах пошевелиться. Его ум, всё ещё переваривающий информацию о «разбитых колодцах» и «рассыпавшихся в прах кистях», не успев перестроиться, забуксовал на месте. Только что были законы мироздания. И внезапно вдруг торг. Этот прыжок через все логические ступени ошеломил его.

— Новая норма — двадцать пилюль. И... — Лин Сяо нарочно сделал паузу, смакуя момент, — плюс одна особая. Та самая. Вкусная пилюля. Но, так и быть, ограничимся одной.

Он широко улыбнулся, и в его взгляде заплясали весёлые, демонические искорки.

— Ну как? Старший брат Лин весьма добр к младшему Сяомо, не правда ли?

Внутри Ю Сяомо всё перевернулось. Он наконец сообразил — и осознание обожгло. Он всё прекрасно понял: и урок о душе, и ценность пилюли, и то, что всё было лишь спектаклем — прелюдией для успешного торга. Лин Сяо его не учил — он демонстрировал стоимость товара, который теперь будет выбивать.

«Добр, как же. Добр, как удав к кролику перед ужином.»

— Старший брат Лин... — почтительно начал он. — Но вы же сами только что объяснили, сколь опасно истощать силу души. Разве не так? — Это был уже не вопрос ученика, ищущего наставления. Это была первая, робко выставленная линия обороны. Ю Сяомо и сам удивился собственной дерзости, но отступить было поздно — слова уже сорвались с языка.

Лин Сяо медленно поднял взгляд. Он смотрел на Ю Сяомо с тем же интересом, с каким рассматривают внезапно заговорившую игрушку. Его прекрасные брови сошлись в лёгком, скорее заинтересованном, чем сердитом, нахмурье.

— Неужели ты не можешь выплавить даже одной?

Ю Сяомо уже было открыл рот для отказа и оправданий, но Лин Сяо не дал ему говорить.

— Речь не о твоих страхах, младший брат Сяомо, — его голос, ровный и прозрачный, приобрёл

оттенок холодного исследовательского интереса, такого, какое бывает у хищника, тыкающего лапой в пойманного, но ещё живого маленького необычного зверька. — Речь о воле и желании. Неужели, зная ценность вещи, ты не попытаешься найти способ её создать, не сломав себя? Или ты сразу сдаёшься?

Удар был точен. Лин Сяо мастерски перевернул ситуацию, выставив не себя алчным вымогателем, а Ю Сяомо — слабовольным лентяем.

И что-то внутри Ю Сяомо перевернулось. Страх перед Лин Сяо остался, но к нему прибавилась обида и упрямое, настырное желание доказать свою состоятельность. Он растерянно почёсывал затылок, пытаясь нащупать в мыслях точку опоры.

— И вовсе я не сдаюсь... Я... Я хочу, старший брат Лин, — выдохнул он, потупившись. Голос его дрогнул, но не прервался. — Но... Пятое очищение... оно пожирает силу души с такой жадностью и скоростью... Когда я начал создавать ТУ пилюлю, я был полон сил... Но их всё равно не хватило. Я вычерпал всю свою силу души до дна и чуть не... — он запнулся, не решаясь произнести «не сломался». — Едва не пересёк ту черту, о которой вы только что предупреждали.

Он поднял взгляд и теперь смотрел на Лин Сяо прямо, серьёзно и, казалось, не мигая.

— Сейчас, с моим нынешним уровнем совершенствования... с моей силой души... я просто физически не смогу повторить это, не причинив себе непоправимого вреда. Истощение опасно — вы сами это сказали. Я ведь правильно всё понял? — и это был уже не робкий вопрос, а тихий, но настойчивый возврат к логике самого Лин Сяо. Ю Сяомо встал в позицию не капризного ребёнка, а ответственного ученика, который следует строжайшему запрету учителя.

Откровенно говоря, результат ошеломил его самого.

Закончив создание девяноста девяти пилюль первого уровня (по три травы на каждую), он чувствовал себя выжатым досуха. А впереди ещё ждал эксперимент — создание Той Самой Пилюли... Тогда, действуя бессознательно, он коснулся синей капли на груди. Оказавшись в Пространстве Синей Капли, он сделал глоток воды из озера.

Эффект был чудесным и мгновенным. Тело ожило, а духовные силы вернулись стремительным, пьянящим приливом. Было ощущение, словно он парил.

И тогда, опьянённый этой силой, он совершил роковую оплошность. Очищая травы для Той Самой Пилюли, его пронзила наглая, искушающая идея: «А что, если попробовать очистить не четыре раза, а пять?»

И он помнил, как пошёл за этой идеей, стал проводить пятый цикл очистки трав... И, как оказалось, пятый цикл был обрывом — практически все свежесобранные силы были поглощены за мгновение. Но он не отступил. Собрав волю в кулак, он продолжил, и чуть до смерти себя не довёл. Если бы он только знал, что можно остановить процесс, то сделал бы это. Глотнув из озера Пространства Синей Капли ещё воды, только тогда бы продолжил. Но он не знал...

Что же до того, чтобы рассказать Лин Сяо о Пространстве Синей Капли и о чудесном свойстве воды озера, которое в нём... Да никогда и ни за что!

Лин Сяо нахмурился. Его охватила ярость — не от отказа, а от того, что его обвели вокруг

пальца. Добыча не только не сдалась, но и использовала его же слова как щит. Но эта ярость быстро сменилась расчётливым любопытством. Раз эти рычаги не сработали — нужны другие. Он не собирался оказывать поддержку, он собирался ставить новый, более изощрённый эксперимент над объектом, который вдруг проявил неожиданную твёрдость.

— Что ж, — заключил Лин Сяо с призраком улыбки, в которой не было ни капли тепла, — выходит, самое важное сейчас — повысить твою духовную силу.

Слишком занятый отстаиванием своей правоты, Ю Сяомо оказался глух к интонациям голоса Лин Сяо, слеп к его недоброму расположению духа, не ощутил ледящей тишины, воцарившейся на мгновение. Напротив, Ю Сяомо весь словно засветился изнутри чистым, искренним изумлением. Он выглядел так, будто ему только что сообщили, что воду можно превратить в вино.

— А-а? — вырвалось у него, и в этом звуке не было ни страха, ни подобострастия, лишь ненасытная жажда знаний. — Разве духовную силу... можно повысить?

Лин Сяо снова нахмурился, но теперь в этом жесте читалось не раздражение, не ярость, и даже не недовольство, а краткая задумчивость, вызванная мгновенной переоценкой всего, что он прежде слышал о методах обучения в этой секте.

— Неужели твой старший брат по учению вообще вам об этом не рассказывал? — в его голосе прозвучало не столько недоумение, сколько лёгкое, ядовитое изумление от столкновения с такой профессиональной несостоятельностью.

Ю Сяомо подтвердил: нет, не рассказывал. Но едва ли в этом была вина Фан Чэньлэ. Они, новички, были лишь в начале пути, и всё их внимание занимал главный вопрос: сумеют ли они вообще сплавлять пилюли. Знания о силе души, видимо, относились к более высоким ступеням, до которых им ещё предстояло дорасти.

Пока Ю Сяомо оправдывал Фан Чэньлэ, в сознании Лин Сяо уже сложился окончательный и беспощадный приговор: нерадивость. Преступная халатность. Бросать новичков в практику, не объяснив им природы их же инструмента, — всё равно что дать ребёнку отточенный клинок, не показав, где лезвие.

И это было уже не просто раздражение. Это был вызов всему его пониманию передачи знаний. Система Небесного Сердца оказалась ущербной, и Лин Сяо, похоже, был здесь единственным, кто мог это исправить.

— Что ж, раз уж твои официальные наставники пренебрегли основами, — произнёс он, и в его тоне вновь зазвучали те же властные, менторские нотки, что и тогда, когда он повествовал о силе души, — тебе придётся учиться у меня. Запомни: силу души можно повысить двумя способами. Первый — практика. Количество переходит в качество, лишь постоянные упражнения способны расширить твой духовный резервуар. Но этот путь долг, и плоды его зреют медленно. Конечно, ты можешь сравнивать себя с братьями по учению. Если за раз ты выплавляешь больше пилюль, чем они, значит, и духовной силы у тебя больше, — произнося эти слова, Лин Сяо с лёгким удивлением отметил про себя: он никогда в своей долгой и странной жизни не утруждал себя столь пространными объяснениями для кого бы то ни было, а уж тем более — для человека, которого знал всего сутки. Что-то в этой упрямой наивности, в этом голодном внимании, которые транслировал Ю Сяомо заставляло его ломать собственные паттерны, и это осознание было одновременно досадным и... любопытным.

Ю Сяомо слушал, затаив дыхание. Слова Лин Сяо падали на благодатную почву — не потому

что Ю Сяомо был гением, а потому что ощущал сильную потребность в знаниях, он был голоден до них, они для него были как глоток воды, окажись он в пустыне. Ю Сяомо ловил каждое слово Лин Сяо, и тут же мысленно примерял их на себя: «Значит, если я буду сплавлять больше пилюль...»

И когда Лин Сяо сделал паузу, Ю Сяомо, раскалённый любопытством тут же выстрелил вопросом:

— А второй способ?

Это был не просто запрос информации. Это был знак: «Я понял. Продолжай. Я готов слушать дальше.» И в этой ненасытной готовности учиться, узнавать, познавать, изучать, была та самая искра, ради которой Лин Сяо нарушал свои принципы.

Лин Сяо бросил на него взгляд — короткий, оценивающий, будто взвешивающий на невидимых весах стоит ли тратить ещё силы на объяснения? Но этот юноша, Ю Сяомо не просто слушал — он схватывал суть и тянулся за следующей порцией, как обрадованный щенок за лакомством. Это было досадно, неудобно, но... чертовски занимательно.

Лин Сяо, вальяжно сидевший на стуле, медленно подался вперёд, и на его губах вновь появилось то самое, знакомое, хищное подобие улыбки.

— А второй... — начал он, и его голос приобрёл сладкие, соблазнительные нотки, — второй — это техника совершенствования.

Он сделал небольшую паузу, чтобы увидеть, как в глазах Ю Сяомо тот самый огонёк, ради которого всё и затевалось, постепенно разгорался всё больше и больше.

— Владеть такой техникой, — продолжил Лин Сяо, уже с лёгким оттенком превосходства того, кто владеет таким сокровенным знанием, — всё равно что променять утлую лодку с вёслами на корабль с парусами и попутным ветром. Корпеть над упражнениями? Пустая трата времени. Истинный путь начинается с техники совершенствования.

Слова Лин Сяо упали, как искра в бочку с порохом. В глазах Ю Сяомо, которые секунду назад лишь тлели, вспыхнуло яростное, всепоглощающее пламя — пламя человека, осознавшего, что каторжный труд, который он считал единственной дорогой, можно заменить одним верным ключом. Всё его существо, всё внимание сжалось в одну точку — в губы Лин Сяо, готовые изречь ответ.

— Правда?! — вырвалось у Ю Сяомо. От захлестнувшего возбуждения голос его сорвался на пол-октавы выше. — А где... — он запнулся, переводя дух, но вопрос уже нёсся вперёд с силой выпущенной стрелы, — где раздобыть такую технику?! — В этой фразе не было ни расчёта, ни осторожности. Лишь ненасытное, обнажённое желание, которое он даже не пытался скрыть. Он уже мысленно видел тот корабль с огромными парусами и чувствовал попутный ветер. Осталось лишь узнать, где взять чертёж.

Лин Сяо не стал сразу отвечать. Вместо этого он позволил тому самому, непроизвольному ощущению — острому, сладкому предвкушению власти — проступить на лице. Уголки его губ дёрнулись в едва уловимой, но абсолютно узнаваемой гримасе — том самом сплаве торжества, насмешки и обещания будущих неприятностей, от которого у Ю Сяомо мгновенно холодело всё внутри.

Эффект был мгновенным, как щелчок выключателя. Пламя в глазах Ю Сяомо не погасло, но

заметно притушилось, уступив место настороженности. Ю Сяомо, словно зверёк, почувывший хищника, инстинктивно отпрянул, внутренне сжавшись.

И именно этот рефлекс, этот моментальный, неконтролируемый испуг стал для Лин Сяо, как бальзам на душу. Вся досада, всё раздражение растаяли, заменённые глубоким, тёплым удовлетворением. Теперь всё встало на свои места. Теперь было всё, как должно: он, Лин Сяо — источник и света, и тьмы. Ю Сяомо — тот, кто жаждет света и трепещет перед тьмой. Просто. Предсказуемо. Прекрасно.

— Младший брат Сяомо... — протянул он, лениво. — Неужели ты и вправду думаешь, что техники совершенствования — это грибы в лесу? Неужели ты думаешь, что их можно просто так «раздобыть»?

В самой формулировке вопроса уже звучал готовый ответ, потому Лин Сяо не ждал возражений. Он подготавливал почву для следующего удара — удара информацией, которая должна была окончательно спустить Ю Сяомо с небес на землю.

Ю Сяомо почувствовал, как его новая, хрупкая надежда снова начинает покрываться толстым слоем инея. Инстинкт кричал: «Молчи! Просто молчи!» Но что-то другое, крошечное и упрямое, зародившееся после того, как он сумел отстоять свою логику, отстоять себя, зашевелилось внутри.

— А разве... нет? — выдохнул он почти шёпотом. Голос его был тихим, робким. И выглядел он так... Будто беззащитный котёнок, который, почуяв угрозу, инстинктивно вжался в угол, стараясь казаться меньше и незаметнее.

Это осознание собственной безоружности было мучительным, но оно же делало его робкое возражение новым большим личным подвигом. Ю Сяомо возражал вопреки собственной слабости, вопреки полной беззащитности перед Лин Сяо.

Лин Сяо медленно выдохнул, и на его губах появилась не улыбка, а её бледная, кривая тень — выражение мнимого сожаления, за которым сквозил холодный триумф.

— Видишь ли, младший брат Сяомо, — начал он, и его голос стал тихим, почти интимным, — техники совершенствования большая редкость. Настолько большая, что они есть даже не у каждого мастера, достигшего вершин. — Он выдержал микроскопическую, но значимую паузу. — Не у каждого. Понимаешь? — и его «улыбка» стала чуть отчётливее. В ней не было радости — лишь безжалостное удовлетворение от того, что картина мира, которую он рисовал, была столь безысходно... точной.

Всё ещё цепляясь за призрачную надежду, что, возможно, существует способ заполучить хотя бы самую простейшую технику совершенствования, Ю Сяомо выдохнул:

— Значит... они очень редки?

Лин Сяо издал короткий, беззвучный смешок, больше похожий на презрительный выдох. Он вальяжно откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу и запрокинул голову, устремив взгляд куда-то в потолок. Со стороны могло показаться, будто он разглядел там некий абсурдный пейзаж, достойный лишь снисходительной усмешки.

— Редки? — переспросил он, и в голосе его зазвучала усталая усмешка того, кому приходится объяснять ребёнку, что золото — не просто жёлтый камень. — Редки — это ничего не сказать. На всём вашем Драконьем Просторе, — произнёс он это название так, будто речь шла о

задворках захолустной деревушки, — вряд ли наберётся и десятка.

Он снова перевёл взгляд на Ю Сяомо.

— Насколько мне известно, — подчеркнул он, наслаждаясь ролью всеведущего оракула, — даже в вашей так называемой «великой» секте Небесное Сердце есть всего лишь одна такая техника. И хранят её как зеницу ока. Доступ к ней имеют лишь внутренние ученики. Только они. Понял теперь, насколько ты был наивен?

На самом деле эта «осведомлённость» была поверхностной. Знания эти принадлежали не ему, Лин Сяо, а были лишь отголосками в памяти того, чьё тело и имя он теперь носил, — наследием прежнего Лин Сяо. Что же касалось его собственного, истинного «я», то делами этого клочка суши под названием Драконий Простор он никогда особо не интересовался, предпочитая проводить века в глубокой спячке, где сны были длиннее, чем человеческие жизни. Так что его неведение о мелочах этого мира было вполне простительным.

Ю Сяомо бессильно опустил плечи и понурил голову. Его взгляд, секунду назад полный огня, угас, потух.

— Внутренние ученики... — прошептал он, и в этих словах звучало не просто разочарование, а горькое прощание с мечтой и последней надеждой. Теперь он понимал, что был всего лишь временщиком, пустой строкой в учётных книгах секты. Мечтать о большем было всё равно, что муравью пытаться сдвинуть гору.

Лин Сяо наблюдал за этой мгновенной метаморфозой. И странное дело — зрелище этого увядания, этой капитуляции пробудило в нём что-то... Острое, колючее, непонятное беспокойство, словно кто-то задул свечу, пламенем которой он только что любовался. И прежде чем разум успел пересчитать варианты, стереть старую стратегию и выстроить новую, слова уже слетели с его губ:

— Вообще-то, возможность есть, — произнёс он, и в тот же миг почувствовал укол острого, ядовитого сожаления. Он попал в ловушку, которую сам же и расставил, позволив этому юнцу задеть какую-то потаённую струну в его сердце.

Ю Сяомо вскинулся так резко, что едва не потерял равновесие. Весь его облик, только что поникший, вспыхнул изнутри новым светом. Он устремил на Лин Сяо взгляд — наглый в своей чистоте, полный безрассудной, живой надежды.

Лин Сяо замер. Выражение лица Ю Сяомо... Оно было смертоносным. Не в смысле угрозы, а в смысле абсолютной уязвимости, разбивающей все его защиты. Ю Сяомо точно ещё слепой котёнок бесстрашно и доверчиво тыкался мордочкой в лапу тигра в поисках ласки, тепла и защиты. А его глаза... Глаза Ю Сяомо... Лин Сяо казалось, что он смотрел в бескрайнее чёрное ночное небо на котором, наконец, снова засияли звёзды.

И тогда случилось нечто по-настоящему пугающее. В груди, в месте, которое Лин Сяо давно считал либо пустым, либо вымерзшим насквозь, что-то дрогнуло и болезненно ёкнуло. По телу пробежала дурацкая, щекочущая волна — если он вёрно помнил, смертные называли подобный отклик тела и духа влюблённостью. И это было невыносимо. Это нарушало все его правила, сметало принципы, меняло паттерны.

Лин Сяо фальшиво, с надрывом кашлянул, отводя взгляд и разрывая этот невыносимый контакт.

— В твоём... кхм... в твоём положении, — начал он, и голос его прозвучал нарочито грубо, — секта Небесное Сердце никогда не передаст тебе свою технику. Это факт. Однако... — он сделал паузу, уже не для драматизма, а чтобы собраться и убедиться, что голос звучит хотя бы ровно.

Ю Сяомо, всё ещё окрылённый, замер в ожидании, кивнув так стремительно, что это было похоже на поклон.

— Однако что?

— Однако у меня есть способ её добыть, — произнёс Лин Сяо и, наконец, ощутил под ногами твёрдую почву.

Радость вспыхнула на лице Ю Сяомо таким ослепительным светом, что, казалось, могла осветить не только комнату, а целый мир. Но почти сразу же её затмила набежавшая тень...

— П-правда?.. — ахнул он, и глаза его округлились от изумления. — Неужели ты... вы собираетесь украсть технику у Небесного Сердца?!

И не успел он даже моргнуть. В одно мгновение Лин Сяо сидел на стуле, в следующее — он уже высился над Ю Сяомо. Его палец с глухим, издевательским щелчком снова отскочил от лба Ю Сяомо. Не было ни шага, ни шума, ни движения — казалось, само пространство согнулось, подчиняясь воле Лин Сяо.

— Что за гнусные речи позволяет себе младший Сяомо по отношению к старшему брату? — прогремел Лин Сяо, и в его голосе звучала идеально сыгранная нота возмущённой добродетели. — Разве твой старший брат Сяо хоть чем-то похож на того, кто стал бы заниматься столь низменным ремеслом, как воровство и мошенничество?

Ю Сяомо, потирая уже наболевший лоб, казалось, физически ощущал, как в его голове сталкиваются две правды. Одна кричала: «Да, чёрт возьми, похож! Ты же сам только что вымогал пилюли!». Другая же шептала: «Молчи, если жизнь тебе дорога!»

Он на мгновение зажмурился, словно пытаясь не видеть очевидного, и наперекор всему — наперекор собственной правде и здравому смыслу — покачал головой.

— Не... похож, — выдавил он, а во рту стало словно бы горько от этой лжи.

И эти слова подействовали как безупречный духовный эликсир. Весь напускной гнев испарился с лица Лин Сяо, уступив место глубокому удовлетворению. Он снова, уже восседая на стуле, откинулся на спинку, и в его взгляде вновь заплясали весёлые, демонические искорки.

Что же до истинного ответа на вопрос, способен ли он на воровство, обман и вещи куда более худшие... Эти знания он приберегал для подходящего случая. А пока пусть этот наивный юноша, Ю Сяомо, продолжает гадать. Так было куда интереснее.